

Философия чашки

Елена Ительсон

Елена Ительсон

Философия чашки (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8957420
Философия чашки (сборник): Э. РА; Москва; 2014
ISBN 978-5-000390-108-2

Аннотация

Книга Елены Ительсон – это творчество истинно интеллигентного, тонко чувствующего человека. Настолько тонко, что порой становится страшно за автора. Она живет в этом материальном мире, чувствуя невидимое, солидаризируясь в чувствах и переживаниях со всеми живыми существами (людьми, животными), окружающими ее. Эта книга может пробудить в нас доброе, растревожить нашу душу. Рассказы Елены напоминают каждому: не надо ранить неосторожным словом или равнодушием никого в этом мире, и если все будут жить по этим принципам, то мир будет прекрасен...

Издатель Э. Ракитская, член Союзов писателей Москвы и Иерусалима.

Содержание

Немного о вьюге	5
Рассказы	11
Переводные картинки	11
Философия чашки	20
Шарф	26
Сквозь парк к музыке	32
Сашка	36
Из жизни мяучих	41
Виконт	42
Кошка-мама	43
Ватуся	44
Авенир	45
Хозяйки	46
«О кошках, о кошках...»	47
Серый и чёрный	48
Утро победителя	51
Доктор Нуте-с	54
Игра в прятки	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Елена Ительсон
Философия
чашки (сборник)

© Ительсон Е. Е., 2014

* * *

Немного о вьюге

Тем, кто часто слушает передачи «Эха Москвы», «Вечерней Москвы», вообще московского вещания, должен был запомниться позывной «Вьюга». Вьюга – «ник», под которым выходит в московский прямой эфир автор этой книги.

Живя в Петербурге, Елена Ительсон примерно так же тоскует по Москве, как светловский хлопец тосковал по Гренаде, или чеховские сестры – по той же Москве.

Елена Ительсон не была в Москве лет семь, пока не позвали в числе победителей одного поэтического конкурса. И вот она заночевала у меня, познакомилась с большой кошачьей командой, населяющей мою квартиру, и взяла мое «шестикошье» себе в герои. Присовокупила и серого кота Марселя-Суриката, который появился через пять лет после ее приезда в Москву. Коллизия цикла «Из жизни мяучих» такая: молоденький дружащий с кошками котик знакомится со старым котом-затворником, и это влечет за собой много забавных положений.

И вот я горжусь тем, что мои «зверики» поселились под одной обложкой и с замечательной Мамой Елены – врачом, и еще с учительницей, Бабушкой дагестанского мальчика Басира, чью кошку так и не назвали никаким именем. Не потому, что хозяйка равнодушна была к кошкам, а потому, что не была равнодушна к людям – детям, внукам, учени-

кам. Ведь давать имя кошке – это значит – читайте Элиота – слишком надолго отплывать в мир фантазии, чего эта женщина делать была не вправе.

Елене Ительсон очень хочется писать большую прозу, но совесть позволяет писать только малую. Нельзя ни дня не участвовать в реальной жизни.

Много в коротких рассказах Елены и ласковости, и озорства, и всматривания в красоту. Но они еще дороги мне как уроки. Вот я заняла деньги. А героиня рассказа «Крапива», у которой украли всю зарплату, полмесяца жила на травяных супах. Вот я вспоминаю, как уходила на целые дни в свои мечты, а сына учила всяким умным вещам, не напрягая главной какой-то сердечной мышцы. А автор этой книги расскажет, чем годы спустя отозвалось в мужчине равнодушие матери. И звери... Пусть у старой даргинки живет безымянная кошка, но с этой кошкой разговаривают, и она никуда не уйдет из дома. А вот от другого героя, слишком сосредоточенного на своей персоне, кот убежал, несмотря на все изысканные яства и имена.

В конкурсе «Живая литература» Елена Ительсон, попав в шорт-лист, удостоилась еще премии читательских симпатий. На конкурсы заглядывают читатели неравнодушные. В поисках такого же неравнодушного автора.

К вопросу о неравнодушии. Корней Чуковский в книге о Чехове замечал, что середина двадцатого века вынесла на свет таких чудовищ, что нам и унтер Пришибеев хороши.

И потому, что чудовищ много, мы и такие сойдем. И потому, что дел много и соблазнов тоже, которые мы принимаем за дела... Словом, мы мало стали думать о «мелких нервах» нашего этического мироздания. Елена Ительсон об этом говорит без конца и кому-то действует на нервы уже в прямом смысле слова. А забывать о себе – это бывает и хорошо, а бывает и плохо. Красноречиво одно уже заглавие одного из «кошачьих» рассказов: «Милый гость. Милый котик. Все милые». Конечно, трудно уклониться от знакомства с заслуженным и симпатичным человеком, но если таковой в гостях обнаруживает свою душевную черствость, то и гости, и хозяйева виновны в этой черствости, если не поставили хоть намеком на вид.

О Елене Ительсон спорят, кто она преимущественно – прозаик или стихотворец. В отношении многих авторов я готова склониться в ту или иную сторону, а тут – затрудняюсь.

Об Ибсене сказал критик Георг Брандес, что поэтический конь был убит под ним. А я баллады и стихотворные драмы Ибсена ставлю никак не ниже того, что он в зрелые годы писал прозой. Ранние стихи Елены Ительсон, как и проза, совестьны. Еще до чувства вины перед Мамой, отцом, другом, зверем и птицей было такое чувство в отношении тех сущностей, каковые принято считать неодушевленными. Стоптаные туфли. Раздавленный лимон.

Милый мой раздавленный лимон, Ты один не считаешь

моих шагов, Потому что не умеешь считать.

Ты один – охотник до моих стихов, Потому что не умеешь читать.

Так начиналось. А потом стихи пошли в ногу с прозой. Там поразительно точные характеристики. Нравственный дефект многих людей – несерьезность, легкомыслие, подмена жизни игрой. И вот у Елены такой образ: мяч вместо сердца. Большой силы стихи посвящены одаренной девушке, пристрастившейся к выпивке. Тема расширяется в этом стихотворении:

Мне колет грудь Есенинская трубка, Свисающая с этого портрета.

Как сказал Сергей Дурьлин, одни – писатели как подобает, а другие – волшебники. И Елена Ительсон из тех авторов, в чьем мире происходят необычные вещи. Ну а «выюга» – это она сама придумала себе такое прозвание, потому что родом с дальнего Востока – и потому что порывы ее души умеют быть грозными.

Алла Шаранова

СТИХИ ИЛИ ПРОЗА?

Я пишу стихи. И они для меня – главное содержание жизни. Смысл этой жизни. Дыхание. Оторопь. Поэтический голос мне в 15 лет ставил В. А. Лейкин.

В 18 лет я начала писать прозу. Отмахивалась от нее – слишком легко эта проза шла.

Мои стихи не читали, но эссе ждали.

*...Мы шли по вечернему Ленинграду после занятий. Про-
возжали В. А. Лейкина на его электричку.*

*Эти разговоры «по пути» были очень важными. Как ис-
поведь. Для каждого.*

*...В тот день я прочитала свой набросок об одном моло-
дом поэте – своём соученике по ЛИТО. И В. А. Лейкин курил,
потому что не знал, еще точно не сформулировал, что он
мне скажет.*

*...Мы шли по мосту. Шли к вокзалу. Вячеслав Абрамович
Лейкин и его юные ученики. Настала моя очередь «исповеди».*

*– Вот ты всю жизнь пишешь стихи... – начал он. И я уже
понимала, что он скажет потом.*

*А ведь проза у тебя лучше... тебе самой не понять... Тебе
хочется, чтобы читали твои стихи.*

*Обижайся – не обижайся – сейчас будем публиковать
твоё эссе. Ты запомнишься всем своими заметками о лю-
дях...*

*Лейкин знал причину моей «внутренней» и бессюжетной
прозы.*

Уже тогда я была не очень мобильна.

*А придумывать сюжеты для прозы, как это делал загни-
сованный великий фантаст А. Р. Беляев – я не умею.*

Я преклоняюсь перед этим писателем, преодолевшим бо-

лезнь.

...Мой мир очень мал, ведь я не бываю нигде и не беру в свой мир никого.

Стихи я пишу только для себя. Это – мой выход.

А проза...

В 1987 году я прошла творческий конкурс во ВГИК, именно конкурс прозы.

Я благодарю номинаторов конкурса «Народный писатель» за то, что они прочитали мою страницу и, наверное, искали произведения с сюжетами. Увы, в прозе не бывает «внутренних» сюжетов.

Я благодарю их за то, что они выдвинули на конкурс рассказ о моей маме.

В этом году я буду участвовать в конкурсе «Писатель года» (Я сняла сама рассказ «Ангина» с конкурса, потому в нём не участвовала.

...А стихи... Их когда-то прочитал драматург А. М. Володин и сказал: «У этих стихов будет очень тяжёлая судьба»...

17. 11. 2012

Е. Ительсон

Рассказы

Переводные картинки

1

– А когда вам можно будет написать?

– Что-что? Не слышу!

– А можно, я вам напишу?

– Послушай, тут самое главное: лекарства и книги. Смотри, не перепутай! Это – от желудка. Это – если вы пораните руки или ноги. Книги уже сейчас можешь раздать ребятам.

– А написать вам можно?

– Да-да, конечно, – проговорила она, задумываясь. (Цветущие деревья лезли прямо в нос своими запахами). – Ну, я пошла. Не скучай. Что Маме-то передать?

– Ничего не надо, – он вздохнул и поправил свой вечно сползающий пионерский галстук. («Обойдется без приветов, – подумал он, – некогда даже было проводить младшего сына!»)

– Ну... пока? – она выдержала паузу и помахала рукой.

Так он и не узнал, можно ли писать своей попечительнице,

да так, чтобы Мама ни о чем не догадывалась.

...А Мама несла по запыленной улице свой хитрый скарб: сумки, полные продуктовыми заказами. Пришла домой, рассовала сумки по углам, чтоб никто ничего не видел. Вовремя рассовала. Без звонка вошла соседка (дверь в квартиру была не закрыта).

– Ну, как? – спросила Мама. – Как мое «сокровище»? Всё нормально?

– Да-да... Я сейчас посижу и пойду. Все хорошо. Он привет вам передал.

– Что-то на него не похоже, – Мама ухмыльнулась, но на всякий случай просила: – Чаю хотите? А я пока суп поза-позавчерашний доем.

– Да. Можно, – соседка выпрямилась, словно ждала дальше еще чего-то, ещё худшего, словно ее заставили бы сейчас есть этот поза-позавчерашний суп...

Чай долго заваривался и отстаивался, и в какой-то момент Маме стало жалко, что вот пришлось истратить так много заварки, а соседка ничего не расскажет, все будет сидеть и молчать, молчать и смотреть, смотреть и видеть, видеть и понимать, что не от хорошей жизни этот суп, это сиротское провожание...

– А что, Антон любит писать письма? – спросила соседка, едва отхлебнув из чашки.

– Нет... Не знаю... Мне никогда не писал, – замялась Мама.

– Но кому-нибудь пишет?

– Пишет, пишет... – вздохнула Мама, – тем, кто его пригreet. Очень доверчивый мальчик.

– А давайте, мы ему вдвоем будем отвечать, – предложила соседка.

– Не держите меня за ненормальную, – сказала Мама. – Я прекрасно знаю, что в первом же письме он попросится домой, а потом, не дождавшись, пока меня отпустят с работы, чтобы его забрать, явится сюда. Знаю я эти выкрутасы!..

Соседка увидела образцовый порядок. Так лежали повсюду на месте салфеточки и «прихваточки», что здесь не было места Антону. «А ведь она его ломает и уже сломала», – подумала соседка.

В порядок не вписывались хрупкие папки с надписями: «Рукописи. Не трогать! Убью!»

Мама заметила и с иронией произнесла:

– Это Антошкины. Горе просто. Некуда сложить. Стол уже ломится. Шкаф забит. Переписка, видите ли, с самим собой. Сочинения вольные, том первый...

2

– Не заходи! Не смей! Уйди! – нечеловеческим голосом закричал Антон. У него сегодня собралась компания человек в двадцать.

Они хлебали чай, зажевывая дешевыми конфетками, и го-

ворили, говорили...

Дул ветер из раскрытого окна. Салфеточка сбивалась...

– Антоша! Я только за салфеткой... Ее постирать надо, – жалобно сказала Мама.

– Ну, не сейчас же! – он закричал на всю квартиру так, что замолчали все спорщики. И вдруг брезгливо схватил и швырнул на пол эту маленькую, кружевную белую салфетку. – Возьми! Подавись!

Дверь закрылась.

3

Его никто не ждал в задымленном городе. Так было задумано, что дети должны отдыхать в скучных лагерях. Без книг, без привычных друзей...

...Уходил неслышно. Бежал так, чтобы никто не заметил. Отсюда часто бежали «непонятные» дети: от еды, от уюта.

Куда бежать?

Единственная «двушка», чудом найденная в кармане, прилипла к ладони. Он позвонил соседке:

– Я сбежал. Я не могу там. Можно, я у вас поживу? Мне ничего не нужно...

Его пустили в незатейливую, заполненную книгами квартиру на Алешкину кровать. Алешка, мифический сын соседей, давно уже вырос и теперь жил далеко – то ли на Севере, то ли на Юге. Кровать была мягкая, и лежа на ней, было

удобно читать и писать. Писать и читать.

Рядом, в соседней квартире, мыла полы ни о чем не подозревающая Мама. Антон чувствовал себя партизаном, спря-
таным добрыми людьми на чердаке. Но от какого врага его
прятали?..

– Прочитай эту книгу. Может, понравится? – ему протя-
нули маленькую книжку.

– «Бодлер», – вяло произнес он.

...Болел поэзией долго: весь остаток школы, университет,
аспирантуру. А когда его спрашивали, кто любимый поэт, не
задумываясь отвечал: «Бодлер», хотя давно не перечитывал
эту тонкую книгу.

4

– Ой, Антошка! Приехал! Слава Богу! Мы уж заждались!
Валерий Петрович подумал, что поезда задерживаются, зво-
нил на вокзал... – обрадовалась соседка.

Валерий Петрович закашлялся, поднял свое грузное тело
с дивана:

– Ну, здравствуй, ученый. Я рад, рад... Читал недавно
твою статью в «Вопросах философии». Хорошие такие, на-
стоянные мысли... По дому не скучаешь?

– Нет, – отрезал Антон. – Здесь у меня нет дома.

– Антошенька, зайди к Маме. Она совсем плоха, – попро-
сила соседка. – Там сестра твоя сидит. Они тебя очень ждут.

– Нет, нет, я не пойду.

– Антошенька, давай договоримся. Послушай меня. Мама у тебя одна. Зайди к ней, пожалуйста!

– Мне не нужна Мама, которая всю жизнь выбрасывала мои рукописи!

– Давай поговорим как мужчина с женщиной, – вмешался Валерий Петрович. – Антон, ты взрослый человек. Ты должен уметь прощать...

– О, как хочется спать! Может быть, сегодня ляжем пораньше, а завтра... посмотрим?

– Антошенька, завтра уже может быть поздно...

– Так вот для чего вы меня ждали? Вовсе не для того, чтобы обсудить статью?! – Антон резко стал набирать номер телефона:

– Валентин?! Это Антон. Здравствуй. Я в городе. Негде остановиться. Да. Дня на три. Ну, в общем, жди. О! А код какой? Ладно, не смогу открыть – позвоню еще раз. Дети еще не спят? Ах, ты сегодня один? Чудненько!

Хлопнул дверью, ушел.

Из комнаты вышел Славик – маленький умный школьник:

– Дядя Валера, а эта схема как читается?

– Пошли, галчонок, разберемся.

Журнал «Вопросы философии» лежал у телефона на самом видном месте.

«Вот теперь сидят, наверное, и переживают, какого, мол, эгоиста воспитали, – думал Антон, – Ну не могу я ее видеть!»

Вот здесь у меня уже этот порядок! Никогда таким не буду!
Никогда!»

5

У Валентина долго пили вредный кофе. Но сначала Антон проверил на стерильность чашки, как казалось ему, запылившиеся.

– Какой ты брезгливый, Антон!

– Это я в Маму, порядок люблю...

Антон осмотрелся и увидел, что все стены в квартире Валентина увешаны детскими рисунками.

– Кто же это так хорошо рисует? – спросил Антон не из вежливости, – уж очень необычными были рисунки.

– Да наша Оленька. Она учится у Глеба. Помнишь такого, на класс старше? Теперь изостудию ведет. А твоя-то дочь как? Небось, во все школы отдали: и в музыкальную, и в спортивную, и в художественную...

– Нет, Валентин. Ты знаешь, она ничем серьезным заняться не хочет. Мы купили ей роскошный письменный стол. «Пиши, Анечка, рисуй», – говорю.

– А она?

– А она картинки переводит. Я привез ей из Германии. Ездил туда на симпозиум. Она садится вечером, когда сделаны уроки, за стол, берет целый таз воды, кладет туда картинки. Мы ей говорим: «Размокнет, Анечка, размокнет!», а она еще

больше воды подливает. Потом осторожно сдирает верхний слой с картинок и спрашивает: «Папочка, им больно? Больно? Я ведь им кожу порвала! Зато теперь все понятно, ярко!»

6

С утра Антон пошел гулять по городу. Он метил улицы, дома, скверы своим тоскливым взглядом. Метил. Чтобы не вернуться никогда.

Ни тогда, когда умрет Мама.

Ни тогда, когда умрут соседи.

Ни тогда, когда совсем состарится город его детства...

На вокзальной скамейке сидел маленький беглец, ел пирожок и сосредоточенно смотрел вперед.

– В Америку, что ли собрался?

– Угу.

– А деньги есть?

– Не-а.

– А зовут-то как?

– Как надо...

Через полчаса они уже ели вермишель в столовой. Сашкапил кисель и, оттаявши, спрашивал:

– А когда я приеду, написать вам можно?

– Оттуда? Из Америки? Можно. Только дорого.

– А вы мне ответите?

– Да, конечно... Сашка, я тебе ручку дарю. Ей очень хо-

рошо письма писать...

– Я вам потом другую пришлю из Америки, можно?

– Можно...

Рельсы узкоколейки сливались перед глазами. «Как сегодня доберусь до Москвы? Там еще своего поезда ждать придется часа четыре... В Ленинку, что ли зайти?» – думал Антон.

Поезд подошел. Сытый Сашка сел в него.

– Ну? Пока? – помахал Антон.

Его поезд должен был прийти только через час...

1990

Философия чашки

Очень холодно. А ведь только начало осени.

– Может быть, чаю попить? – подумал Боря. – Только что-то чашки своей не вижу... Нет... Подожду Юлю...

...Боря встал и пошел открывать дверь. Юленьку ждали ещё утром, как ждут врача, а она не появлялась.

Но вот наконец в дверь просунулись толстые чемоданы. Это вплыла Юленька.

– Чаю хочу, Боренька! – закричала она, не здороваясь. Боря схватил ничейную зеленую чашку и стал процеживать в нее старую заварку.

Юленька пошла мыться.

Они не виделись с лета, но Боре казалось, что все это время они сидели и пили бесконечный чай. Пили бесконечный чай и считали уплывающие из-под рук деньги.

– Боренька! Иди сюда! – это Юленька закричала из ванной.

Боря остался сидеть в кухне: не хотел мочить новую рубашку. Обиженная недомытая Юленька выскочила в кухню:

– Ну, Боренька! Ну, посмотри, какая я русалка!

Боря смотрел в лепной потолок, хлюпал губами и хотел встать, чтобы уйти, но Юленька полезла целоваться. Ему пришлось держать Юленьку на руках. Вдруг Боре показалось, что все это ненадолго, что скоро закончатся скучные

чаепития и можно будет спокойно заняться наукой.

– А чай готов? Боренька? – Юленька не слезала с его колен.

– На, пей, – он поставил чай с еле желтой заваркой.

– Не крепкий же!

– А крепкого нет, – Боря развел руками. – Чай заканчивается.

– Почему ты меня не любишь? – Юленька заплакала.

«Почему ты не хочешь от меня отстать?» – подумал Боря, но ничего не спросил.

«Вот сейчас придет Мама, вот сейчас придет Мама... – думал Боря, – И все закончится. И Юленька от меня отстанет».

Пришла Мама. Уставшая. Побрела на кухню. Спросила удивленно:

– Боря! Чего же ты не накормил Юленьку картошкой?

А потом к Юле:

– Ну, как вы себя чувствуете, Юленька?

И Юленькино смущенное:

– Хорошо...

И Борина мысль: «Нет, никак ее не выгнать, даже Мама этого сделать не может...».

Юленька начала есть картошку, заверещала:

– Я, между прочим, с дороги, а вы даже не спрашиваете, как поживает моя диссертация! Подай, пожалуйста, Боренька, соли!

Он уже «кричал», он уже рвался наружу, он лез в форточку за своим сигаретным дымом: «Зачем я ее впустил? Она опять «вопьется» в меня. Опять. Опять...». Вода закапала в ванной.

– Юленька, вы кран плохо закрыли, – сделала Борина Мама замечание.

– А я вообще подумаю, стоит ли мне приезжать сюда, – встрепенулась Юля.

Боря перескочил через назревающий скандал:

– Мама. Ты знаешь, кого я сегодня встретил?

– Юрика? Эдюню? – начала угадывать Мама.

«Наташу... Вот сейчас так и скажу: Наташу!» – подумал

Боря, рассматривая свое отражение в дверном стекле. Он действительно видел сегодня Наташу, когда бегал за сигаретами. Наташа хотела пройти мимо, но вдруг остановилась и словно остолбенела.

«Боря! Я думала, ты уже в Москве!» – это было написано на ее лице. Он хотел броситься к ней, все объяснить, что вот сегодня он встретит Юлю, встретит и тут же выпроводит ее обратно. А потом. А потом... Он возьмет Наташу, и они вместе пойдут... Нет, не в ЗАГС, конечно, но хотя бы в кино. Домой-то нельзя: Мама-то ждёт Юленьку... Он ничего не сказал и закурил. Наташа отвернулась и пошла дальше, будто ничего не произошло.

– Ну так кого же ты встретил? – спросила Мама, когда Боря задыхал все дверное стекло.

«Наташу, вот сейчас действительно скажу: Наташу!», – подумал Боря и закричал:

– Ну, отстань, ма-ма! Нельзя же понимать все так буквально! Ну, встретил и встретил! Мишку-алкоголика встретил! Давно не видел! Поняла?

– Поняла, – тихо сказала Мама и развернула газету. – А что ты не ешь ничего?

– Я тоже ничего не ем, – Юленька отодвинула тарелку. – Невкусно у вас. Моя Мама лучше готовит. Боренька, во сколько мы завтра идем заявление подавать?

– А во сколько ЗАГС открывается? – вяло спросил Боря.

– А что же ты не узнал? Сидел, сидел и позвонить не мог. Ждал, видите ли, меня! Мне же надо сейчас Мамочке позвонить, сказать, во сколько мы пойдем.

«А что, твоя Мамочка вылетит в Ленинград?» – подумал Боря и вспомнил Наташу.

– Мама, мой костюм готов? – спросил он.

– Готов, – сказала Мама. – Я пошла спать. Мне завтра рано вставать. У меня отчет.

Юленька стала немислимо причесывать свои волосы и спрашивать:

– Мне как лучше, Боренька: так или так?

Он вяло кивал и вспоминал Наташу. Наташа вроде бы подстриглась. После того, как они расстались. После того, как Боря сказал, что он уезжает в Москву. «Наташа как мышка, – подумал он. – Принесёт книгу или журнал, тихо даст

мне, сказав только: прочитай – может быть, понравится... И никогда не лезет ни в ванную, ни на кухню, ни в ЗАГС».

– Боренька, так мне лучше или так? – уже совсем перекрутила Юленька свои волосы.

– Ты знаешь... – начал Боря.

Он хотел сказать, что незачем идти в ЗАГС, что все развалилось, что, может быть, лучше было бы Юленьке выйти замуж за москвича, чтобы жить поближе к Мамочке... – Он всё это хотел сказать, но молчал и поперхнулся.

– Ну-ну, милый, что ты хотел сказать? – выдавливала из него Юленька любовь.

– Я хотел сказать, что... Люблю тебя, Юленька.

– Ну вот, – Юленька успокоилась. – Только потолки надо побелить: никуда не годны. Сколько лет ремонта не было?

– Десять.

– Вот видишь...

За стеной вздыхала Мама.

Боренька уже видел умных лобастых детей. Юленькиных детей. Всё было окончательно решено.

Чашка с бледным недопитым чаем стояла на тумбе. Юленькина чашка.

«Потом я научу его заваривать чай», – думала Юленька.

«Потом она будет допивать у меня любой чай», – мечтал Боря.

«Потом я оставлю его, как этот недопитый чай», – решила Юленька.

1990

Шарф

Успеть приблизиться к щеке, пока не начался дождь, пока лето выпустило солнце.

Успеть потереться о смородиновое ухо (весь день собирали ягоды и пропахли ими).

Лица людей навытяжку: все отвыкли от влюбленных. Или они попадают в стае: раз, два... и...

Обчелся.

Этих мгновений было два в моей жизни. Два. Когда нужно было решать. Когда можно было решить. И тогда громада яблонь не отсвечивала бы на моем лице, и я сидела бы в ленфильмовском буфетике, жуя салат...

Нет, нет, не торопите, я знаю, что вся моя жизнь прошла на ваших глазах, и всех моих немногочисленных поклонников вы видели.

...Я не решилась тогда, в темном метро, когда губы его уже прошептали «люблю». Я знала, что он любит другую. Я видела эти очертания той, другой. Нам было по пути. Он пошел провожать. «Темно, мне не страшно...» – шептала я, боясь, что он кинется на меня, а за спиной стояла та, другая.

...Встретились через 10 лет в буфете, брякнулись обручальными кольцами, раскланялись.

Я встала тогда, в буфете, чтобы пойти за ним. Я уже видела, как он вздрогнул. Обернулась – нет его.

...А ну-ка еще раз, если мы встретимся в гостях у каких-нибудь общих знакомых, откуда можно будет пойти вместе хотя бы до метро...

«Ну-ну...» – думаю я и огорчаюсь: нет, в гости со мной увяжется муж.

Он не любит ходить в гости, но тут, видно, почувствует что-то неладное и увяжется.

Весь вечер я буду на подъеме. Мы выйдем на кухню. Хозяйка благосклонно запрет дверь кухни:

– Курите, девочки! Курите, мальчики!

– Что ты тогда убежал из буфета? – это спрошу я. Я не боюсь спрашивать первой.

– Из буфета? Когда?.. Не помню, не помню... – забормочет он, поглаживая свое кольцо. – А ты вообще где сейчас?

В коридоре протопает муж и осторожно спросит у хозяйки, показывая на кухонную дверь:

– Там у вас курят?

– Нет, курят в коридоре, – ответит хозяйка и еще шире расправит плечи, загораживая нас (Я люблю таких хозяек: они вносят разнообразие в семейный быт и обычно помогают не разрушить, но встряхнуть семью).

– Где я сейчас? Все там же, – отвечу я, хотя тогда, в метро, я еще училась в школе и была не там. И знал ли он что-нибудь обо мне тогда, кроме того, что он хотел меня?

– Ну ладно. Я пойду жене позвоню.

– Дзинь-дзинь-дзинь... – это в кухне на висящем тайвань-

ском аппарате отдается семь дзинеЙ.

И знаю я, что он скажет, что здесь заскучал. И придет через час и будет долго собираться, расчесываться.

А я, стоя в прихожей, вдруг увижу, что он не тот: он мил, воспитан, ухожен, и страсть улеглась и ушла в любовь к жене, к ребенку.

– Ну, мы идем? – это спросит муж, всегда готовый уйти из любых гостей.

– Идем... – и мы прошагаем вместе: я в окружении двоих дымящих сигаретами мужчин.

– Я сегодня даже не пил, – скажет муж.

Мы пройдем по улице Первой.

– Улица Первая, – прочитаю я вслух.

– Что? – встрепаются они оба.

– Я здесь любила.

– Кого? – спросит муж.

– Кого-нибудь. Он был высок, смугл, и ладони его пахли сирийским одеколоном.

– Бред! – скажет муж, – вечно ты что-нибудь выдумаешь!

Втроем мы войдем в метро, проходя мимо любопытных старушек. И там я спрошу:

– Нам опять в одну сторону?

– Опять? – ты удивишься. – Почему опять?

Я махну рукой:

– Ну, как тогда.

– Ничего не помню.

– Ну, пока. Еще на пять лет.

– До свидания, – вежливо откланяется мой муж и ничего не спросит: он привык ни о чем не расспрашивать.

И легкий мужской плащ, привезенный из экзотической страны, прошелестит мимо.

– А знаешь, мы когда-то вместе ходили в студию... – я прижмусь к плечу мужа.

– Не засни только. Нам через остановку выходить. – Муж поцелует меня в мочку уха.

...А как тогда все ликовало:

– Лица, Лица, будь моей! Твои волосы, Лица, как шелковые паутины. Лица, Лица. Мне нет жизни без тебя!

Мы ехали в старом вагоне метро с мягкими креслами. И я вспомнила тогда про зачет по геометрии, про невычерченные сечения.

– Я сделаю, я сделаю тебе сечения, – ты глотал воздух, – только будь моей!

– Ну, не надо, не сейчас. Потом. После. Когда я сдам зачет.

Потом грипп и глухие разговоры со стенкой шкафа:

– Ты просишь меня стать твоей. Ты понимаешь, я тебя не знаю. Не знаю, вдруг ты подлый человек. Я ведь школьница, школьница, – я показываю шкафу руки, испачканные мифическими чернилами. – Вот погоди, давай, я закончу школу, – я внимательно вглядываюсь в шкаф, – а там посмотрим.

...В тот день я только встала после гриппа, оделась, натянула новый самодельный шарф и побежала в студию.

Там, в перерыве, в полутемном коридоре, он представлял свою жену.

– Жена... – удивленно тянули вышедшие передохнуть студийцы.

Он женился первый.

– Ну, что твой зачет? – спросил он.

– Сдала.

– А у моей Оленьки опять «хвосты». Некогда было – свадьба, то-се, – он смущенно улыбнулся и обвязал шею новым шарфом.

* * *

– Никогда не жалея сметаны и масла, – говорит мой муж, глядя исподлобья, как я жарю грибы.

– А шарф тот старый, что я тебе дала, ну еще связанный на Дальнем Востоке, ты постирала? – высовывается из ванной Мама.

– Постирала и даже заштопала.

Тени ходят по сутолоке потолка. Огурцы засаливаются в банке. Грибы уже подлежат съедению. Но их не дают. Берегут на праздники.

– Зимой не пропадем, – говорит муж.

– Шарф этот будешь носить? – я протягиваю бледное полотно тепла.

– Посмотрю. Может, зима будет теплой, – говорит муж, и

тоненькое обручальное кольцо почти спадает с его пальца...

1991

Сквозь парк к музыке

Памяти моих родных

Моя Мама очень хорошо пела. Романсы. Арии из опер. Подпевала радио. И всё время вспоминала с сожалением, что родители не стали учить ее музыке – в доме не было пианино.

Там, в ее далёком дальневосточном детстве.

...Но я тоже очень хорошо пела и пою. И вот прошли младшие классы, а меня так и не отдавали учиться музыке – не было пианино.

Мама растила нас с сестрой одна. Помощи ждать было неоткуда. И вот, живя в Ленинграде, я не училась музыке...

Я ждала. Я долго ждала.

Соседка пригласила Маму прийти вместе со мной к ним – ее сын начал заниматься музыкой. На аккордеоне.

Я увидела аккордеон (теперь понимаю, что был он старый и взятый «напрокат»). Но я залюбовалась его «мехами», я попросилась поиграть на нём...

Ночами я перестала спать. И поняла: если я сама не решу учиться музыке – я не буду ей учиться. Никогда.

В нашем классе я дружила с мальчиком из очень хорошей учительской семьи. Его Бабушка была Народной Учительницей, настоящим педагогом. Я поговорила с ним. И он сказал:
– Будешь играть на виолончели. Как я.

Он принёс на урок канифоль... И я с трепетом нюхала эту канифоль. Днём мы пошли к нему в гости. У него только что появилась младшая сестра. Всем было не до него. Он сыграл мне на виолончели. Его Бабушка догадалась, зачем это всё происходит. Но молчала. Решила не вмешиваться.

– Готовься к экзаменам, – сказал он. (Размер платы за обучение мы уже выяснили – она была «символической»).

А теперь представьте себе весеннюю Учительскую в Музыкальной. И мальчика из 4 класса на пороге.

– Ты что-то хочешь спросить? – учителя решили, что что-то случилось.

– Моя одноклассница будет поступать к нам. Сюда. Можно узнать, когда экзамен?

Секретарь записала дату и время экзамена. В мой новый блокнот. Я долго хранила эту запись.

...Моя сестра вышла замуж. Всем было не до меня.

В майский день я поехала на экзамен. Там сидело 80 или 90 человек. Все с родителями. Все готовились. К чему? Чтобы что-то спеть – готовиться не надо, – так решила я.

Экзамен был простейшим. Я спела мелодию. Простучала ритмы. Угадывала ноты. Пела свои любимые песни. И сказала:

– Я буду играть только на виолончели.

Все засмеялись:

– Для этого надо поступить.

– А я еще не поступила? – удивилась я. – Когда вы мне

об этом скажете?

– Нет. Здесь конкурс...

– Но разве они тоже хотят играть на виолончели? – спросила я.

– Девочка, позови из коридора родителей...

– Родителей? – я изумилась. – Зачем? Моя Мама на работе. Она – врач. Вот представьте себе: вы придёте к врачу, а вам скажут: его нет, он на экзамене в музыкальной школе. И вы расстроитесь и спросите: а что, этот врач еще и учиться музыке будет? А работать он будет?

...Комиссия молчала. Их было много. Они еще раз смотрели мои пальцы...

– А пианино у вас есть?

– Нет, – честно ответила я.

– А Мама хотя бы знает, что ты здесь?

– А зачем? Она узнает, когда будет нужно... И ещё... Я буду учиться только у этой учительницы...

И я назвала имя. Она была не в любимцах.

И комиссия спросила:

– Почему?

– Потому что потом мне сможет помочь мой одноклассник. Он – её ученик...

– Девочка, приезжай в августе, будут висеть списки. Найдёшь себя в них – значит, поступила.

– Спасибо, найду, я хорошо ищу.

Я сказала комиссии «до свидания» и пошла гулять.

«Музыкалка» была от дома очень далеко. И я чуть-чуть прошла пешком. Потом ехала.

...В августе, в конце каникул, я заехала к Маме на работу:

– Поедем в музыкальную школу. Кое-что узнать.

– Зачем? – Мама ахнула.

– Списки посмотрим. Мама! Ты же переживала, что тебя не учили музыке...

Мама промолчала. И мы поехали смотреть списки. И я очень быстро нашла свою фамилию. Я же сказала учителям: «Я очень хорошо ищу!».

Мы шли пешком. Сквозь парки. Маме надо было прийти в себя... Мы пели. Мы пели в парках дуэтом...

Начиналась моя новая жизнь.

Июль 2011

Сашка

И был день. Прекрасный голубой светлый день 70-х. Наши каникулы.

И был двор. Не всегда понимавший меня. Но сейчас покорно молчавший – что-то задерживались девчонки со скалками и резинками.

И была лужа около гаража и помойки. И вдоль лужи ходила молодая соседская собака Жулька. Её выпускали гулять на целый учительский день (учителя в каникулы тоже работали). За ней следили всем двором. И всё равно Жулька иногда успевала съесть какую-нибудь дрянь...

И были голуби – их тогда было очень много, они парами слетались на хлебные крошки. Крошки им сыпали все, но больше всех – хозяйка Жульки, учительница Мария Ивановна. В Блокаду она ела столярный клей. Она первая рассказала нам о Блокаде.

На другой день мы с подругой и сыном Марии Ивановны решили попробовать на вкус столярный клей. Не успели. Нас поймала сама Мария Ивановна. Она не ругала. Сына она била без нас.

И была музыка. Из окна соседа. Взрослого соседа. Он каждый день играл «Полонез Огинского» – это я произносила в одно слово. Он учился в институте и хотел жениться.

Моей сестре, которая тоже училась в институте и хотела

замуж, нужно было только одно – чуть-чуть похудеть (это она так считала).

А вот соседу, наверно, чтобы жениться, надо было обязательно хорошо сыграть «Полонез Огинского» – так думала я.

У них была Сессия. И потому они были дома... Каждый – в своём жилище.

И потому я так рано была во дворе. Я не хотела слушаться сестру.

И каждый день зимой и летом, в любую погоду, во двор выходил Сашка. Совершенно взрослый человек с бородой, одетый во всё белое (чуть ли не сшитое из простыней). Это чтобы не поехал в транспорте, – так объяснили нам. Какой вред мог принести Сашка транспорту, я не знаю до сих пор. Он садился к нам на скамейку и разговаривал с нами, с детьми.

Меня удивляло, что он, взрослый, разговаривал с нами... Однажды я спросила:

– Саша (не могла же я его называть Сашкой, взрослого человека)! А вы кем хотите стать?

– Я хочу в небо, – ответил Сашка.

– Это в космонавты? – переспросила я. – Так на космонавта учиться надо.

– Нет. Мне не надо будет учиться... – Сашка засмеялся.

Проходившая мимо нас соседка закричала:

– Дети! Ну что вы с дураком разговариваете?

– Тетя Клава! А вот вы можете числа в уме перемно-

жать? Трёхзначные? – тётя Клава застыла в ожидании «экзамена». – А он – может! Вот давайте умножим...

– Я – дурак, – сказал Сашка.

Тётя Клава кивнула:

– Дурак. Видишь, даже сам знаешь.

Сашка встал и ушёл.

Внезапно раздался крик:

– Уберите этого Дурака! Уберите его со стройки!

Сидя на скамейке, я подняла голову. Рядом с нами строили дом. Высокий. (Тень от него навечно сделает нашу квартиру несолнечной). Шла стройка. Но Сашка оказался на самом верху. Он сидел на кирпичной стене и тихо смотрел в небо. Ровно над ним работал кран. Стройку приостановили. Выбегали мужчины. Кричали. Сашка недвижно сидел на этой кладке и смотрел в облака. Кучевые и перистые – это я научила Сашку. Я же не даром ходила в школу. И Сашка рассматривал их. Но его же выгнали со скамейки. За ним пошел сосед-пенсионер. Еле взобрался, ругал Сашку, уговаривал. Тот оставался сидеть. Больше всего мы боялись, что он упадёт со стены.

Я подбежала к строителю:

– Можно, я схожу? Он меня поймёт. Мы дружим с Сашей...

– Дружим... Еще разобьешься!..

– Да мы каждый вечер бегаем по этой («чёрной») лестнице, – выдала я секрет.

И вдруг строитель согласился. Бабушка, шедшая мимо, перекрестилась.

– Только я пойду одна, – сразу сказала я.

Я поднималась в этот раз очень долго. А дальше я боялась. Нет, не Сашку, а не туда встать и упасть.

– Саша! Это я! Как вам здесь?

– Жарко... Скоро нужно будет уходить. Но я ещё не посмотрел на небо... Облака... Девочка! А почему ты здесь? Тебе не страшно? Ведь меня все боятся.

– Саша. Я пришла за вами. Давайте, спустимся туда, во двор.

Все не дышали...

А ведь его никто никогда не называл на «Вы». И все звали Сашкой.

И он растерялся. Дал мне свою руку и сказал:

– Пойдём...

– Нет, здесь за руку не получится. Давайте по одному, – настаивала я. (Просто до сих пор ни с кем не люблю ходить за ручку).

Мы спустились. Как с вершины. Бородатый взрослый Сашка в белье из простыни и я, маленькая девочка, школьница, в очень простом платье.

Мы спустились. В этот день никто не прыгал и не скакал. Всем надо было пережить: зачем я пошла за Сашкой и как он меня послушался.

Соседка моментально повела меня к себе. Есть блины.

Сашка сидел на скамейке и глядел в небо.

...Некоторое время я не ходила во двор.

Потом стройку огородили получше.

Потом достроили этот дом.

Я росла. Перестала гулять во дворе.

Перестала видеть Сашку.

Однажды увидела его, сидящего на скамейке с другими, младшими детьми.

Мир рос. А Сашка всё такой же сидел на скамейке и гулял по двору. Такой же, как и был в моём детстве. Однажды я подошла к нему. Сашка меня не узнал. Мне было уже 16. Прошло целых 7 лет моей жизни! И всего 7 лет его жизни. Он не вспомнил меня. Часто я думаю: может, он сделал вид, что не вспомнил? Может, он не хотел тревожить воспоминания?

2010

Из жизни мяучих

Цикл миниатюр

Несколько лет назад я целую неделю жила в «многокошье».

И Кошки, и Коты тогда потрясли меня. Я написала цикл стихов, который привёл меня к мысли – дальше писать об этих кошках.

ИЗ ЖИЗНИ КОШЕК И ХОЗЯЕВ

Этюды

Кошкам Аллы Шараповой с благодарностью. Они выдержали мое недельное проживание на их территории.

ВИКОНТ

Вы видели мира плато? –
Это – место моё на шкафу.
И, когда я спускаюсь,
Я делаю милость
Стенам, еде, потолку.
Иногда телефон выключаю –
От него хозяйка устала.
Остальные принтер включают
По ночам – им дня мало.
На кухне есть моё место
Под раковиной. Арендовал.
А на шкафу мне не тесно.
Я всех вас переиграл!..
Лежу, наблюдаю с вершины
Вечную суету.
Красавцем считаюсь.
Когда нас считают –
Нас много. И я на посту.
Я много чего увижу! –
Хозяйкам не расскажу.
Пусть смотрят в глаза им
Те, кто ниже...
А я на вершине сажу!..

Кошка-мама

Для меня они просто дети,
Хотя им много лет.
Нас не разлучили на свете:
Говорят, так нельзя, нет.
Но мы ничего не решаем.
И я запаслась терпением.
Часто детей своих умываю
И молчу. И живу в смиренье.
И с горечью наблюдаю,
Как насильно людей разлучают,
Родных и близких...
Болят их сердца...
Люди – не миски,
Их не наполнишь снова
Новым души уловом.
Так и жить до конца...

Ватуся

Я тихо жить хочу и незаметно,
Безмолвно, кротко, – так я и живу.
Я просто времени срединная отметка,
И дерева простая очень ветка.
И потому не уйду я в глубину.
Не очень я хозяйку дожидаюсь.
Нас много, и задумчива она.
На стуле на своём располагаюсь,
Хотя уже всюду идёт весна.
Но что-то этой странною весной
Мешает быть, как раньше, мне простой.

Авенир

...Я не единственный, увы! –
Сливаюсь я с другими.
Я тихий-тихий.
До того, что не совсем любимый...
Так кажется...
Молчу-молчу...
Я быть единственным хочу!..

Хозяйки

...Не думаю, что Кошки были целью,
Но скрасили тоски ущелье...

28.03.2012

А это стихотворение предваряет мой цикл миниатюр о тех же кошках.

«О кошках, о кошках...»

О кошках, о кошках
О судьбах в окошках,
О славном коте, переевшем окрошки,
О братьях-котах, об их нежной сестрёнке.
О новом коте и о новом котёнке.
И где-то подспудно – о людях при кошках, –
Хозяйках, что терпят котов и немножко
Меня, не сумевшую кошкой стать,
Но смевшую срочно писать и мешать. –
Вот тем и похожа немножко на кошку.
Иначе – как влезу я в эту обложку?

Серый и чёрный

Зареклась я писать о кошках и котах. Их у меня нет. И, видимо, не будет.

Но как-то приснился мне двор моего детства. А во сне орал серый грациозный кот – искал хозяина.

И вспомнила я московское многокошье, куда я попала однажды.

«Всё, – думаю, – напишу я это для их хозяйки, писательницы. Что-то предвижу, что-то предположу».

... Чёрный кот попал к ней случайно. Отдавали на неделю присмотреть. Да не стало прежней хозяйки. Беда с ней случилось. И остались кошки здесь. Теперь навсегда. Много кошек. И среди них – чёрный кот. Красавец и хозяин над всеми своими сородичами.

Он должен был быть героем-любовником. Но его кастрировали. А страсть к прекрасному полу любого вида все равно не уходила от него.

На хозяйку он был раздражен. Ел отдельно от всех. Спал на самом высоком шкафу и помнил, что он – красавец.

А еще знал, что бывают коты посильнее. И живут они на улице, где он никогда не был...

Серого нашли на той самой улице, и он покорно согласился ехать с хозяйками в корзинке. Корзинка была из-под яблок, но тут посадили его. Он понимал, что едет в тепло и уют

и что его будут кормить.

На улице он оказался, потому что укусил хозяина. «Этих хозяек кусать не буду», – решил он.

...На новом месте он не удивился множеству сородичей. Понимал, что он самый главный: знает, что такое воля, и знает, что такое любовь.

...Чёрный дрожал от страха. Больше всего он боялся, что займут его место для спанья.

«Зачем мне твоё место?» – подумал Серый. Учув кошек: «Вот с ними я и буду спать по очереди!»

«А вдруг он съест мою еду?» – подумал Чёрный.

Серый лег на холодильник, подозвал мяуканьем хозяйку и сообщил ей, что он ест только натуральное мясо. И кормить его надо 4 раза в день. Это он промяукал, но хозяйка всё поняла.

С тех пор жизнь в этой квартире крутилась вокруг серо-белого кота. Его чесали, часто и отдельно кормили. Он лез к кошкам, а потом листал хозяйкины книги.

Еще он умел выключать телефон. И делал это тихо и искусно.

Потихоньку все кошки и коты стали подстраиваться под его режим.

...Однажды утром хозяйки вспомнили про его больные уши и повели к врачу.

...И чёрный кот первый понял, куда и зачем ведут Серого. Он прыгнул со шкафа на хозяйку. И заорал.

– Ты только что ел! – взмолилась она.

Нет!.. Чёрный просил, чтобы Серому только посмотрели уши. И больше ничего с ним не делали!

Ведь иначе Чёрный даже не сможет издали посмотреть – какая она, любовь!?

«А потом, – загадал Черный... – вдруг Серый уйдёт на улицу навсегда. И тогда я опять буду здесь главным!».

Хозяйка слушала крики Черного. И Серого вдруг раздумали нести к врачу.

– Пойду я, что ли, на выставку, – сказала Хозяйка.

«Иди, иди», – подумал Чёрный. И перестал орать.

В этот день Серый подружился с Чёрным. Подружился навсегда. Он понимал, что черный кот спас его от чего-то страшного.

И с тех пор он делился с Чёрным своей избранной едой.

«Все равно я тут главный. Главнее хозяек», – думал Серый...

Утро победителя

Ночью все спали плохо – и кошки, и коты, и их хозяйки.

Вспоминал Серый кот, как он поцарапал хозяйку. А ведь обещал сам себе не царапать и больше не кусать... людей.

Коты всё поймут... Их можно покусывать. Ведь он – главный.

Весь вечер хозяйка говорила о праздниках.

– Значит, можно будет поспать, – подумал Серый и переглянулся с Чёрным. Тот молчал, потому что знал, что бывают праздники, в которые хозяйка встаёт очень рано и ничего не ест.

«Не разберешься с этими праздниками, – подумал Чёрный. – Сплю и ем – какая мне разница?»

С утра хозяйка проснулась рано-рано. Села, подумала и стала собираться куда-то.

Серый заорал:

– Моя еда! Мне! Где она? А то забудут!

– Тебя покормят потом, а я поеду далеко-далеко...

Серый надрывался от крика. Он понял, что их бросают. Не бросают, а оставляют на целую вечность!

Он бился в дверь, где сладким сном спала Кошка.

– Или улица! Или пустите к Кошке! – вот что было в его криках.

Черный подошел и внимательно посмотрел Серому в гла-

за:

– Ты забыл, куда тебя уже вели? Ушки лечить... Забыл?! Потерпи. Не ори при хозяйке. Вот останемся одни – я тебе помогу открыть дверь к Кошке.

Хозяйка поцеловала котов и кошек, убегая.

– А вдруг принесёт нам еще одного жильца с улицы, и он будет главнее? – думал Серый.

– А вдруг нам забудут купить корма? – переживал Чёрный.

Он чуть повернулся на кровати, и Серый увидел ключ от комнаты, где живёт Кошка.

– Понял? – посмотрел на него Чёрный.

И тут все кошки вспомнили, что хозяйки искали что-то и очень волновались.

– Я лежал на этом ключе. А потом перепрятывал его, когда уходил с дивана. Закапывал... А ты, Серый, всё умом свои гордишься, а?

– Я здесь недавно. Потом научусь... И Серый приблизился к комнате, где жила Кошка.

Начинался его час Охоты за Кошкой.

«Хорошо, что Чёрный меня понимает! Иначе, где бы мы взяли ключ?» – подумал Серый.

Ему даже в голову не могло прийти, что Кошка устала от него, от его любви.

– Я – красавец, – шептал Серый.

– А ты – умница, – мурлыкал он Чёрному.

Впереди у них был огромный свободный день. День проделок и находок.

Кошачьих очарований и разочарований.

Доктор Нуте-с

Этот доктор был старого поколения, который называл всех больных «деточками», носил с собой деревянную трубочку, чтобы послушать больных.

«Нуте-с» – это было его прозвище. Так он обращался к больным.

Он давно уже ходил только на дом к своим прежним больным. И имел за это неплохие деньги.

В слякоть и в мороз – в любую погоду – доктор Нуте-с ездил к своим больным.

Он рассуждал так: «Вреда я не делаю никакого. Конечно, есть современные методы обследования, но я в них не очень верю».

И еще доктор Нуте-с не очень любил кошек. И когда он приезжал к очередной больной, которая закашливалась, прижимая к себе кошку, он спрашивал:

– А аллергии на кошачью шерсть у вас нет?

– Что вы, что вы? – изумлялись кошатницы. – Кошки нас лечат!

Разве он мог спорить?

«Потом спохватится и вспомнит меня, а пока пусть верит в лечение кошками».

Доктор привык, что его всегда ждали в лучшей одежде. Он мыл руки самым лучшим мылом и вытирал их чистейшими

полотенцами. Полотенца именовались «для Доктора».

...И вот доктор Нуте-с приехал лечить больную, у которой было много кошек. Он помнил этих кошек, и был напряжён, – ведь в прошлый раз кот укусил его.

Укусил, защищая хозяйку от осмотра.

– Нуте-с, – сказал Нуте-с. – Что у нас на сей раз?

И, только хозяйка начала отвечать, доктор попросил:

– Закройте, пожалуйста, кошек в другой комнате или в коридоре...

Чёрный помнил, как он кусал злого человека в белой одежде.

Их заперли в кухне – всех котов и кошек. Даже тех, которые всегда хорошо себя вели.

– Серый, ты видел, как его слушаются, этого человека в белом? – спросил Чёрный.

– Он вроде помогать приехал, – мяукнул Серый.

– А помогать он сюда приезжает в последний раз, – сказал Чёрный. Он увидел на столе много некрасивых бумажек. Некоторые из них были сложены отдельно.

Чёрный уронил их носом со стола. И пописал на них. Не на столе же писать!..

– Будет знать, как выгонять нас в кухню!

...Потом хозяйка вошла в кухню. Была она в хорошем настроении, пока не посмотрела сначала на стол, потом на пол.

Она не видела выхода и не понимала, как она будет платить врачу этими мокрыми деньгами.

«Я их высушу, – думала она. – Но теперь чем платить?»

Бить кота не имела смысла, но ей не у кого было сейчас занять денег.

– Нуте – с, – ожидающе сказал Врач.

И она поняла, что он сейчас отменит все вызовы и будет ждать денег.

Она подошла к своей сумке и вдруг увидела в ней деньги, лежащие вне кошелька!

Их хватало на оплату визита Нуте-са.

– Ничего, что без конверта? – спросила она врача.

– Деньги не пахнут, – подмигнул ей Нуте-с.

Надо было заставить его поближе подойти к тем мокрым деньгам!..

Нуте-с ушёл. Коты прошагали в комнату. А она сушила деньги.

«Нет, больше не буду вызывать этого Нутеса. Лучше в поликлинику схожу», – решила Хозяйка.

– Давно бы так! – подумал Чёрный.

– Тебе легче, хозяйка? – и все коты сели около нее. – А то полечим.

– Да нет. Всё ничего. Только, пожалуйста, в следующий раз так не подводите меня.

«Плохим людям надо мстить!», – подумал Чёрный и уснул. Он сегодня устал.

Игра в прятки

Когда Серый появился в кошачьем доме, он был очень удивлён: взрослые коты и кошки до сих пор жили вместе со своей Мамой и любили ее.

Черный – в два раза огромней Мамы, взрослый котяра – по-прежнему любил свою Маму.

Серый не помнил свою Маму, – его кормили из сосочки хозяйева. И это делало его сразу взрослым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.